

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

КОНФИГУРАЦИИ ПОЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ: КОНСТРУИРОВАНИЕ «МАЛЫХ» И МАСШТАБНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Валерьевна Тыканова^a (elenatykanova@gmail.com)
Анисья Михайловна Хохлова^b (anisya_khokhlova@mail.ru)

^a Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2023) Конфигурации полей общественных движений: конструирование «малых» и масштабных результатов деятельности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(2): 175–196.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.8>. EDN: XNSECE

Аннотация. Авторы статьи анализируют, каким образом участники общественных ассоциаций конструируют результаты своих усилий. Они фокусируются на опыте двух российских общественных инициатив: нижегородского градозащитного и петербургского экологического движений. Опираясь на теорию поля общественно-го движения (Б. Усим, Дж. Голдстоун), авторы показывают, какие «малые» и крупномасштабные цели ставят перед собой участники движений, какие усилия по достижению этих целей они предпринимают, как их действия увязаны с конфигурациями полей общественных движений и как активисты ретроспективно оценивают кратковременные и долгосрочные результаты своей деятельности. В результате авторы приходят к выводам, что микроцели изученных общественных движений (потенциально) реализуемы, но лишь при специфической конфигурации поля общественного движения: в ситуациях готовности чиновников к конструктивному диалогу с активистами, сложившихся отношений кооперации между активистами и конкретными политиками или политическими структурами, отсутствия взаимовыгодных альянсов между бизнес-стейкхолдерами и местными политиками и пр. Между тем макроцели и сопряженные с ними успехи в поле остаются принципиально недостижимыми. Поэтому активисты вынуждены ограничиваться «малыми делами», действуя лишь в своеобразных «заповедных зонах», т.е. фокусировать усилия на локальных городских территориях и/или масштабировать свои требования, ориентируясь на санкции сильных игроков и не претендуя на существенное изменение полей общественных движений.

Ключевые слова: общественное движение, поле общественного движения, поле стратегического действия, победа, успех.

Введение

Самоорганизация, мобилизация и коллективное действие участников общественных городских движений задаются не только внутренней структурой этих движений, но и сложной конфигурацией их отношений с другими городскими акторами: властями разного уровня, бизнесом, другими движениями и широкими городскими публиками. В постоянном взаимодействии с этими акторами артикулируются, оспариваются, пересматриваются и в разной мере реализуются цели активистов, а также оцениваются результаты их усилий. Отношения между городскими акторами постоянно балансируют между стабильностью и изменчивостью, коалиционностью и расколами, институционализированными порядками и трансформацией неравенств и взаимозависимостей, причем действия и риторики активистов могут как воспроизводить существующую структуру, так и «взламывать» ее.

В статье мы сфокусируемся на опыте двух российских общественных движений: нижегородского градозащитного движения «СпасГрад», нацеленного на мониторинг, сохранение и защиту объектов культурного наследия, и экологического движения «Мусора больше нет» (МБН), активно работающего на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Опираясь на теорию поля общественного движения (Useem, Goldstone 2021), мы покажем, какие «малые» и крупномасштабные цели ставят перед собой участники движений, какие усилия по достижению этих целей они предпринимают, как их действия увязаны с конфигурациями полей общественных движений, где они укоренены, и как активисты ретроспективно оценивают промежуточные и конечные результаты своей деятельности, связанные как с реализацией собственно целей, так и с реконфигурацией полей.

Теоретическая рамка исследования: поля стратегического действия vs поля общественных движений

Н. Флигстин и Д. Макадам (Fligstein, McAdam 2022; см. также: Fligstein, McAdam 2011) отмечают, что долгое время междисциплинарные исследования общественных движений и организационная теория развивались практически независимо, что привело к их обеднению: первые были склонны упускать динамику коллективного поведения, преувеличивая рациональность участников социальных движений, тогда как вторая слишком поздно заинтересовалась тем, как «акторы, практически лишенные доступа к власти, начинают мобилизоваться и организовывать поля» (Fligstein, McAdam 2011: 1). Даже несмотря на последующую постепенную интеграцию, представители обоих направлений склонны реифицировать

характерные для них категории типологизации (социальные движения и организации соответственно), хотя в реальности предмет интереса у них должен быть общий: коллективное стратегическое действие. Такое действие определяется как усилия коллективных акторов по приобретению стратегического преимущества в ходе (и посредством) взаимодействия с другими группами, предпринимаемые в социальных порядках мезоуровня. В свою очередь, эти порядки получают название полей стратегического действия (*strategic action fields*). Изучение полей, по мнению авторов, позволяет вычленивать структуру институциональной жизни современных обществ, а также источники стабильности или изменчивости данной структуры (Fligstein, McAdam 2011: 1)¹.

Внутри каждого поля индивидуальные и коллективные акторы действуют, опираясь «на знания друг о друге, а также на набор общеразделяемых представлений о целях поля, сложившихся в нем отношениях (в том числе о том, кто и почему обладает в нем властью) и правилах поля» (Fligstein, McAdam 2011: 3). При этом в подходе Флигстина и Макадама ощущается явный конструктивистский крен: они рассматривают поля стратегического действия как социально сконструированные арены, членство в которых задается скорее субъективной принадлежностью/идентификацией, а не какими-либо объективными критериями. Формирование и трансформация полей происходят ситуативно: не только под воздействием экзогенных факторов, но и в результате осознания акторами общих проблем и задач, а также конструирования согласованных определений границ поля и (хотя бы отчасти) совпадающих интерпретаций процессов, происходящих в поле. При этом совершенно необязательно, чтобы существующее положение вещей оценивалось участниками как естественное, справедливое, легитимное и пр.: консенсус о несправедливости нынешнего порядка также может консолидировать акторов, как это зачастую и происходит в протестных городских движениях.

Вместе с тем, поскольку поля стратегического действия служат аренами, где акторы с различными объемами и конфигурациями ресурсов конкурируют за стратегические преимущества/выигрыши, они характеризуются выраженными неравенствами и почти неизбежно имеют состязательную (*contentious*) или открыто конфликтную природу. В борьбе

---

¹ Так, опираясь на теорию Н. Флигстина и Д. Макадама, А. Желнина и Е. Тыканова (2021) реконструируют поля городской политики в Санкт-Петербурге и Москве посредством аккумуляции данных о конфигурациях интерактивных арен, гражданских инфраструктурах и отношениях между игроками — участниками политического процесса.

за преимущества каждый участник должен постоянно приравниваться к другим акторам и гибко реагировать на их интенции и действия, что определяет изменчивость полей. В частности, любой консенсус, каким бы стабильным и желательным он ни казался, может быть в любой момент оспорен или разрушен, что повлечет за собой пересмотр status quo в поле (Fligstein, McAdam 2011: 3).

Важно отметить, что в концепции Флигстина и Макадама поля организованы как своеобразные «матрешки»: коллективные акторы, такие как организации и социальные движения, сами представляют собой поля и взаимодействуют в рамках более широких полей: экономического, политического и пр. Таким образом, и каждое общественное движение, и его альянсы с другими движениями и организациями, и их взаимодействия с властями, бизнесом и др. акторами можно анализировать как поля стратегического действия разного уровня. Напротив, родственная теория полей общественного движения Б. Усима и Дж. Голдстоуна (Useem, Goldstone 2021) масштабирует анализ исключительно расширительно, предлагая всегда исследовать систему отношений между конкретным социальным движением, другими движениями и организациями, чиновниками, общественностью и пр. Кроме того, эту теорию отличает большая чувствительность к целям участников, что эвристически ценно для нашего эмпирического анализа. Так, Усим и Голдстоун критикуют общественные движения за то, что они зачастую ориентируются только на власти и «проваливают» шансы сотрудничества с другими движениями, а также различают их ситуативные *победы*, сопряженные с достижением непосредственных целей, и более масштабные и долговременные *успехи*, связанные как раз с формированием стратегических альянсов и соответственно достижением (нового) консенсуса относительно (нового) состояния поля. Между тем поляризация поля ставит долгосрочный *успех* под угрозу и даже может привести к ухудшению исходных позиций акторов, несмотря на их краткосрочные *победы*.

В основе *побед* и *успехов* лежат разные механизмы фреймирования повестки и мобилизации. Так, для *победы* достаточно формирования нарратива, позволяющего участникам социального движения привлечь на свою сторону минимальное количество сторонников, что позволит чаще весов склониться в их сторону. Вместе с тем для *успеха* необходим такой нарратив, который способен заинтересовать широкие публики, подставить под сомнение нарративы противников и в конечном итоге превратиться в политический мейнстрим. Аналогичным образом для *победы* порой хватает мобилизации немногочисленных акторов, которые своими протестными акциями и/или действиями в правовом поле смогут

достичь конкретной цели, «продавив» противника, тогда как для *успеха* необходимо завоевать симпатии широкой, но не мобилизованной публики и добиться лояльности ключевых игроков из числа элит, но при этом ненароком не спровоцировать контрдвижения и не нажать врагов в эшелонах власти (Useem, Goldstone 2021: 7).

В соответствии с логикой Усима и Голдстоуна в своем эмпирическом анализе мы различаем микро- и макроцели изучаемых общественных движений. Микроцели представляют собой предвосхищаемые результаты «малых дел», связанных с решением четко очерченных проблем, например защитой конкретного исторического здания или квартала, очисткой конкретной загрязненной территории, организацией публичного мероприятия, получением финансирования для реализации проекта, принятием или, наоборот, отменой конкретных политических решений и т.д. Макроцели же гораздо более масштабны, амбициозны, рассчитаны на долгосрочную перспективу и зачастую артикулируются как миссии движений. Это может быть, например, пересмотр регионального или федерального законодательства, просвещение горожан, рост социальной ответственности бизнеса и пр. Мы исходим из того, что стремление к микроцелям предполагает точечные изменения в поле общественного движения и может обернуться для участников *победой* или *поражением*, тогда как реализация макроцелей требует благоприятной реконфигурации (realignment) всего поля и должна оцениваться в терминах *успеха/неудачи*.

Таким образом, ключевой задачей нашего исследования является анализ того, каким образом участники общественных движений оценивают эффективность своих инициатив и интерпретируют реконфигурации полей общественных движений, в терминах промежуточных (победы/поражения) и долгосрочных (успехи/неудачи) результатов. Важно отметить, что мы полагаемся именно на субъективное ретроспективное восприятие активистами результатов деятельности их общественных объединений. Это обусловлено тем, что как объективное выявление собственно результатов/исходов деятельности активистов, так и установление причинно-следственных связей между этой деятельностью и трансформацией политической повестки, принятием и внедрением политических решений, институциональными изменениями и пр. — практически невыполнимые задачи. В частности, сложно аналитически вычленить, в какой степени победы и успехи общественных движений являются непосредственными результатами усилий участников, а в какой — волей обстоятельств, продуктом действий других акторов или крупномасштабных социополитических и культурных трансформаций (Useem, Goldstone 2021: 2). Более того, некоторые результаты представляются отсроченными и неочевид-

ными даже для самих участников, возникают непреднамеренно или противоречат исходным требованиям активистов (см., например: Giugni 1998; McAdam, McCarty, Zald 1998; Kolb 2007).

Российский контекст: специфика отношений между общественными движениями и властями

Адаптируя выбранную теоретическую рамку к эмпирическому объекту, мы должны учитывать специфику российского социально-политического контекста. Классическая рамка теории полей общественных движений рассматривает социальные движения как относительно автономные формы низовой самоорганизации, формирующие нарративы, альтернативные доминантному дискурсу власти. Между тем в России городские движения могут выполнять посредническую функцию, транслируя интересы и потребности горожан институтам власти, а также в разной мере сотрудничать с властями, поддерживая устойчивость сложившихся политических режимов, используя язык господствующей политической идеологии и/или настойчиво дистанцируясь от политической повестки (Ljubownikow, Crotty, Rodgers 2013; Бедерсон 2020; Тыканова, Khokhlova 2020). Для описания современного состояния дел в российской общественной сфере некоторые социальные ученые даже вводят термин «гражданское общество по-русски», акцентирующий прочные и во многом зависимые отношения общественных движений и организаций третьего сектора, с одной стороны, и государственных структур — с другой, когда низовые ассоциации абсорбируют политический потенциал гражданского общества и взамен получают вознаграждение от государства за лояльность и сотрудничество (Ljubownikow, Crotty, Rodgers 2013: 163; см. также: Fröhlich 2012). Это ставит активистов и других представителей гражданского общества перед дилеммой что предпочесть: автономии при фактическом отсутствии ресурсов или уступчивость, конвертируемую в финансовые и информационные ресурсы для реализации точечных проектов (Semenov, Bederson 2022; Javeline, Lindemann-Komarova 2020). Разные решения этой дилеммы могут порождать расколы в полях общественных движений, поляризуя тех активистов и организации, кто демонстрирует лояльность государству, и тех, кто придерживается критических или открыто оппозиционных точек зрения (Fröhlich, Jacobsson 2017: 187).

Дж. Кротти, опираясь на исследования Кука, Виноградовой и других коллег, осуществляет классификацию организаций третьего сектора, действующих в постсоветской России (до середины 2000-х годов). Он выделяет, в частности, *низовые организации* (grassroots organisations), которые сосредотачивают усилия вокруг решения локальных или отдельных проб-

лем (например, ветеранские организации, защитники природы или экологии), и отмечает, что членство в таких небольших организациях, как правило, «открыто», но в действительности редко выходит за пределы основного костяка группы. Такие организации зачастую испытывают дефицит финансирования или вовсе обходятся без него, редко имеют протестный характер и преимущественно аполитичны. Другой тип получает название «*профессиональных политических или правозащитных организаций*» (“professional” policy or advocacy organisations). Он охватывает группы профессионалов, деятельность которых имеет широкую, как правило национальную или международную, направленность, а активность в основном сосредоточена на практических действиях, таких как проекты по предотвращению загрязнения или защита прав человека, и фреймируется с использованием политических риторик. Наконец, Кротти выделяет «*марионеточные организации*», в организационном и финансовом плане полностью аффилированные с государством (Crotty 2009: 90–94).

Впрочем, необходимо подчеркнуть, что даже сотрудничество общественных движений и организаций с властями необязательно приводит к тотальной кооптации первых государством, а скорее порождает отношения взаимозависимости между государством и гражданским обществом (Кулмала 2011: 168).

В своем эмпирическом анализе мы, опираясь на теорию полей общественных движений Усима и Голдстоуна, не только учитываем взаимоотношения гражданских объединений с властями различного уровня, но и стремимся поместить их деятельность в более широкий контекст интеракций с другими значимыми игроками: бизнесом, горожанами и иными инициативными группами. Опираясь на опыт исследований российских гражданских общественных ассоциаций, рассмотренных в данном параграфе, далее мы обратим внимание на то, с какими дилеммами сталкиваются активисты во взаимоотношении с государственными акторами и насколько такие интеракции в целом необходимы для осуществления их деятельности, каким образом и в каком объеме они получают от чиновников и представителей бизнеса ресурсы и какие это накладывает ограничения или открывает возможности для продвижения повестки групп, порождают ли характеристики поля и характер взаимоотношений с другими значимыми игроками расколы внутри изучаемых групп или в отношениях с другими ассоциациями. В итоге мы попытаемся соотнести характер отношений между исследуемыми общественными движениями и властными институциями с характером малых побед / поражений активистов, а также их более масштабных успехов / неудач.

Эмпирические данные и метод

В своем эмпирическом исследовании мы обращаемся к исследовательской стратегии множественного кейс-стади (Yin 1994), руководствуясь стремлением к демонстрации максимальной вариативности целей, действий, риторик, позиций в полях общественных движений и результатов деятельности активистов на примере двух общественных гражданских объединений. Эмпирической основой нашего исследования послужили материалы полуструктурированных интервью с ключевыми участниками изучаемых общественных движений: градозащитного движения «СпасГрад» в Нижнем Новгороде (7 информантов) и экологической организации «Мусора больше нет» в Санкт-Петербурге и Ленобласти (7 информантов). Собранные данные охватывают период деятельности градозащитного движения с 2010-х годов до 2021 г., а экологической организации — с 2004 по 2017 г.

Наши эмпирические кейсы находятся в спектре от протестной и открыто оппозиционной активности (как у истоков градозащитного движения в Нижнем Новгороде) до сотрудничающей интеракции общественных групп с политическими и экономическими агентами влияния (это характерно, в частности, для деятельности экологической группы в Санкт-Петербурге в целом, а также более поздних этапов развития нижегородского градозащитного движения). Мы сознательно избрали путь соотнесения гражданских ассоциаций, различных как по тематическому профилю, так и по характеру организации поля общественного движения, ожидая, что подобная разница может сказаться на достижении активистами малых и более масштабных результатов. Так, мы предположили, что в политическом контексте постсоветской России 2010-х годов группы, которые выбрали стратегию плотного сотрудничества с властными структурами и даже частичной кооптации в них, могут иметь более выраженные преимущества и больше шансов на реализацию как малых, так и крупномасштабных целей, чем те, которые систематически дистанцируются от чиновников¹.

Полученные нарративы подвергнуты открытому кодированию, после чего выделенные категории были объединены в тематические блоки,

---

¹ Важно подчеркнуть, что находки и выводы нашего исследования, выполненного в традициях качественной социологии, не могут быть напрямую экстраполированы на все случаи деятельности различных общественных объединений в России, поскольку цели и результаты деятельности таких гражданских инициатив определяются спецификой тематики, интересов, городской социально-политической ситуации и многими другими контекстуально заданными факторами.

посвященные образованию и истории развития движений, динамике деятельности активистов, в том числе ее промежуточным и конечным результатам, а также барьерам и возможностям выстраивания коалиций с другими вовлеченными в поля общественных движений игроками: чиновниками, представителями бизнеса, другими профильными общественными движениями, экспертами, горожанами и иными ситуативно значимыми стейкхолдерами (в частности, СМИ и отдельными журналистами).

«СпасГрад»

Основная цель общественного движения «СпасГрад», названная в одноименной группе «ВКонтакте»¹, — «спасение памятников истории и культуры Нижнего Новгорода силами самих граждан». В свою очередь, эта артикулированная цель «распадается» на несколько микро- и макро-целей.

С одной стороны, активисты занимаются защитой конкретных исторических зданий и комплексов от «нещадящей» реконструкции и сносов, используя широкий репертуар инструментов борьбы, таких как апелляции к статусу зданий как вновь выявленных объектов культурного наследия; обращения в Министерство культуры и Прокуратуру, запросы в Управление госохраны по факту сносов; обращения в суд; круглосуточные дежурства у находящихся под угрозой объектов и попытки остановить рабочих, осуществляющих снос; фото- и видеофиксация процесса сносов с последующим созданием и распространением в социальных медиа тематических видеороликов; обращения в СМИ; инициация дискуссий на онлайн-платформах; проведение пикетов и арт-пикетов; организация публичных мероприятий, посвященных культурному наследию и способам его сохранения, и участие в них. В качестве важного инструмента они также рассматривают заказ независимых государственных историко-культурных экспертиз, что позволяет придать оспариваемым историческим зданиям статус вновь выявленных объектов культурного наследия, а при благоприятном сценарии — добиться их включения в Единый госреестр памятников. Кроме того, участники «СпасГрада» систематически выступают за придание ряду городских территорий особого статуса исторических кварталов, призванного ограничить или полностью остановить их коммерческую застройку.

С другой стороны, градозащитники осознают «точный» характер этих усилий и подчеркивают, что эффективное сохранение исторического и культурного наследия невозможно без систематического пересмотра

¹ URL: <https://vk.com/spasgrad>.

и усовершенствования регионального и федерального законодательства, постоянного мониторинга представляющих историческую и архитектурную ценность зданий и финансирования исследовательских и реставрационных работ.

...должна быть презумпция, должно быть как можно больше нормативно-правовых актов от 73-го закона об охране объектов культурного наследия до региональных каких-то регламентов и прочих нормативов. Должна быть прописана презумпция сохранения памятников архитектуры. <...> И, конечно же... надо, чтобы региональная власть признавала необходимость сохранения этих объектов, чтобы региональная власть понимала ценность памятников архитектуры для идентичности города, для ее туристической привлекательности (И1).

Также участники движения настаивают, что сохранение историко-культурного наследия невозможно, пока горожане не осознают его ценность и не выступают в поддержку градозащитников:

[власти] не понимают, что перед ними что-то ценное: они реально считают, что это фигня. А это люди, которые поднялись во власть. Что говорить об обычных наших современниках? Особенно если им постоянно на мозги капает телевидение: «Давайте, устроим опрос, снести эти развалюхи или сохранить, правда, у нас денег нету» (И2).

Свою миссию в этой связи они видят в просветительской и волонтерской деятельности, нацеленной на увеличение гражданского участия жителей.

И должна работать, в хорошем смысле, пропаганда, просвещение людей должно работать: им должны реально показывать все дома замечательные. Мы должны любить наш город, нашу Родину: и грязную, и немытую, — и отмывать ее, если она грязная и немытая, а не отрубать куски, выбрасывая на помойку, мечтая построить новую (И2).

Потерпев серию поражений в борьбе за сохранение исторических кварталов, участники движения осознали важность обсуждения судьбы городского культурного наследия в локальных и городских СМИ. В условиях дефицита сочувствующих СМИ, девальвации жанра расследовательской журналистики и отсутствия у местных журналистов экспертных

краеведческих и правовых знаний ядро градозащитного движения инициировало адресную подготовку дружественных журналистов, призванных выступать «рупором» позиции активистов и транслировать аудитории ценность «уходящей городской натуры».

У нас два журналиста. Я их подкачала профессионально, чтоб они могли на эти темы писать. <...> Это довольно сложно: для того чтобы написать, что происходит с точки зрения законодательства, для этого законодательство нужно знать. <...> А уж где они все это писали, куда они забрасывали — это уже была не моя проблема. Главное, чтобы это было грамотно и выложено. <...> За эти восемь лет в городе эта тема с нуля [развилась]; лично я считаю, это моя личная заслуга, что все грамотно, хорошо и качественно могут рассказать, почему надо сохранять историческую застройку, кто такие градозащитники, что они делают и зачем это надо (ИЗ).

Такую профессионализацию журналистов можно рассматривать как реализацию важной микроцели движения. Кроме того, нижегородцы подхватили самарскую волонтерскую инициативу «Том Сойер Фест», ежегодно приглашая горожан и чиновников поучаствовать в реставрации аварийных домов в центре города. Этот фестиваль служит одновременно публичной площадкой, позволяющей градозащитникам сообщить широким городским публикам о своей деятельности и передать им свои знания и ценности в ходе совместной работы, и площадкой рекрутинга новых активистов и их профессиональной кооптации.

Если про фестивали говорить, то там крутая молодая компания, команда. Это целое поколение новое идет следом. Уже фестивальное. Они потихоньку к градозащите присматриваются. <...> в основном у них понимание есть: покрасил, чтобы никто не пришел, не снес, надо еще учиться, законы знать и знать, как защищать. Потихоньку они вопросы задают, что и как делать. А мы потихоньку рассказываем (ИЗ).

Таким образом, ежегодная организация фестиваля имеет кумулятивный эффект, способствуя реализации малых целей движения.

Для нижегородского гражданского общества характерно наличие плотной сети относительно немногочисленных градозащитников, экозащитников и правозащитников, которые были прямо или косвенно вовлечены во все резонансные градозащитные конфликты и в разной мере

аффилировали себя с общественным движением «СпасГрад». Иными словами, членство в движении основывается исключительно на самопричислении. Долгое время ключевым участникам сети удавалось поддерживать неформальные дружеские отношения, несмотря на значительные расхождения в политических взглядах: их объединяла общая обеспокоенность состоянием исторических городских объектов и резко критическое отношение к городским и региональным властям, особенно к тогдашнему главе города О.В. Сорокину, аффилированная с которым компания-застройщик осуществила серию шумевших сносов. Общеразделяемыми были и представления о структуре поля: лишённые какой-либо информационной или финансовой поддержки, фактически исключённые из доминантного публичного дискурса, а порой и открыто стигматизируемые властями как «городские сумасшедшие» (И4), активисты ясно осознавали свою проигрышную позицию, но все равно были готовы бороться за каждый находящийся под угрозой объект.

Когда региональная власть видит в тебе врага — в лице исполнительной власти, законодательной власти, прокуратуры. В худшем случае враг, в лучшем — надоедливая муха, которая работать мешает — куда обращаться, к кому? При том, что Городская Дума у нас состояла преимущественно из бизнесменов из застройщиков. Они вот город и делили (И5).

Однако со сменой городской и региональной «верхушки» для представителей движения открылись некоторые возможности участия в дискуссиях о судьбе городских территорий.

...когда пришли сюда [Губернатор Нижегородской области] Никитин с командой, он уже не мог нас игнорировать, поэтому во всех его интервью у него говорится, что мы учитываем мнение градозащитников в развитии среды исторической <...> в стратегии развития закладываем сохранение исторической среды (И3).

На этом этапе избежать раскола и внутренних конфликтов в среде активистов уже не удалось. Часть активистского ядра выбрала путь сотрудничества с властями и профессионализации деятельности, в терминологии Кротти, настаивая на том, что подобная кооперация — это единственная возможность повлиять на политическую повестку и процессы принятия градостроительных политических решений. Здесь им действительно удалось добиться некоторых точечных побед.

Я там [в Нижегородском отделении Общероссийского народного фронта] в рабочей группе по культурному наследию. <...> Я как раз этой темой на федеральном уровне занимаюсь — темой сохранения культурного наследия. В рабочую группу вхожу. <...> Которые сейчас у нас были заседания, мы поправки к закону писали, все вместе обсуждали, писали, как раз на площадке ОНФ. И одна треть поправок к закону — через Общероссийский народный фронт (ИЗ).

Помимо работы с законодательством этим градозащитникам удалось реализовать крупный проект возрождения исторической среды в Нижнем Новгороде «Заповедные кварталы», в рамках которого отреставрированы 28 обладающих архитектурной и исторической ценностью деревянных домов в квартале Трех Святителей и создан своеобразный музей под открытым небом, одновременно служащий площадкой для концертов, спектаклей и других публичных мероприятий.

Другие участники общественного градозащитного движения, напротив, продолжали настаивать на сохранении автономной по отношению к властям позиции, подчеркивая, что ценой уступчивости может оказаться потеря независимости активистов, их растущая управляемость, когда голос градозащитников будет создавать иллюзию консенсуса в поле и использоваться властями как инструмент публичной легитимации спорных проектов городского развития.

«Мусора больше нет»

История общественной экологической организации «Мусора Больше Нет» восходит к лету 2004 г., когда ее основатель осуществил первую неформальную уборку мусора вокруг озера в Ленинградской области. С этого момента вокруг лидера начали объединяться единомышленники. По мере развития движения в больших российских городах сформировались лидерские ядра, тогда как своеобразной «материнской» организацией по-прежнему оставалось петербургское сообщество.

«Мусора Больше Нет» (МБН) имеет четко артикулированную миссию, разделяемую ключевыми участниками, которая заключается в формировании осознанного бережного отношения граждан к окружающей среде:

А у нас цель все-таки, как ни пафосно это звучит, но изменение сознания людей. И то есть наша цель не проводить как можно больше уборок, наша цель не убрать весь мусор, а наша цель — сделать так, чтобы его больше не было (И6).

Вместе с тем глобальная конечная цель деятельности движения является ее лидерами как принятие федерального закона о раздельном сборе мусора, а также введение повсеместного запрета на сжигание отходов.

Организация зарегистрирована в качестве юридического лица. Принцип функционирования МБН заключается в том, что любой участник может предложить ту или иную инициативу и взять на себя ответственность за ее реализацию, а также имеет право извлекать выгоды от членства в движении. Впрочем, хотя структура МБН описывается как горизонтальная, в движении существует консенсус относительно того, что основные стратегические решения принимаются несколькими ключевыми участниками — так называемым костяком.

История развития МБН связана с постоянным рекрутингом и мобилизацией новых членов, расширением спектра взаимодействий с различными игроками в поле общественного движения и диверсификацией способов достижения целей. Начав с точечных разовых мероприятий в кругу друзей и знакомых, активисты постепенно выстраивали отношения с широкой аудиторией с помощью широкомасштабных пиар-кампаний. Например, им удалось организовать масштабное мероприятие в формате ста акций по уборке мусора, одновременно проходивших в Ленинградской области: «И на тот момент это действительно было вау, потому что журналисты просто сошли с ума, то есть такого никогда не было, никто такого не делал» (И7). Такие нашумевшие мероприятия обеспечивали приток интересующихся экологической повесткой «неофитов». Кроме того, члены МБН работали над распространением знаний об экологической ответственности, регулярно проводя публичные просветительские лекции и эко-уроки в городских школах. Все эти усилия способствовали реализации микроцелей движения и приводили к ситуативным победам в поле.

Однако информанты отмечают, что в их взаимодействии с широкой общественностью складывается своеобразный парадокс: те горожане, которые с высокой вероятностью принимают участие в их проектах и акциях, уже обладают определенным уровнем экологического сознания и грамотности, т.е. не являются основным источником экологических проблем, а те люди, которые в силу отсутствия соответствующих знаний и мотивации занимаются засорением окружающей среды, не являются не только реальной, но зачастую даже и потенциальной аудиторией МБН: «А наша аудитория, к сожалению, основная, — это та, которую не можем вовлечь, которая производит все то, мусор и иллюзии в голове, которые... с которыми надо бороться» (И9). У таких горожан деятельность МБН

вызывает неоднозначную реакцию: они декларируют бесполезность и неэстетичность труда активистов, а также подозревают их в наличии скрытых интересов, политической ангажированности и пр.

«Мусора Больше Нет» включена в сложную сеть соперничества и коалиций с другими эко-движениями, а также широким пулом правозащитных, градозащитных и прочих организаций и инициатив. Отсутствие консенсуса в видении целей и инструментов экоактивизма затрудняет сетевизацию и кооперацию с некоторыми из них.

...у них [дружественной НКО, реализующей точечные задачи по мониторингу состояния рек в Балтийском регионе] конкретная цель очень. А как раз МБН отличается тем, что... Некоторые нас, кстати, в этом упрекают, что мы какие-то не конкретные ребята. Поэтому что изменение сознания масс — оно такое прям совсем не конкретное. Поэтому, возможно, в этом наш минус. Но нам, честно говоря, кажется, что в этом наш плюс, что это нам позволяет быть гибкими, участвовать в разных проектах (И6).

Также напряжение создают проблематизация границ с наиболее похожими экологическими организациями и конкуренция с ними за признание в поле.

У нас есть конфронтация с [другим экологическим движением]. И сообщество достаточно закрытое, есть определенные трения. Это мы никогда не скажем, что мы не за одно, и при всех, как только надо встать стеной против [внешней угрозы], мы объединяемся очень быстро <...>. Но когда мирное время, мы не можем не конкурировать (И9).

В результате МБН и другие движения и организации практикуют обмен опытом, взаимное консультирование и информационную поддержку, однако не проводят совместных акций.

Активисты МБН вынуждены взаимодействовать с местными чиновниками, например в ходе согласования массовых публичных мероприятий, таких как акции по сбору мусора, культурно-просветительские мероприятия в городской среде и пр. Поскольку часть таких мероприятий попадает под категорию социально значимых, районные администрации по запросу могут пойти на сотрудничество, предоставляя инвентарь для уборок, оказывая помощь в вывозе собранного мусора и пр. Такая точечная кооперация активистов и чиновников, как правило, заканчивается победами, однако отнюдь не всегда протекает безоблачно: администрации «отмахи-

ваются» от событий МБН как от несущественных, вопреки договоренностям не вывозят собранный мусор, недостаточно оперативно реагируют на поступающие запросы и т.д. Также устойчивому сотрудничеству препятствуют попытки местных чиновников символически апроприировать достижения эоактивистов: «В одном районе <...> мы проводили совместную акцию. Они отчет написали, что, типа, это мы [власти] такие крутые. И мы им высказали, что нам это не нравится и мы не хотим больше с вами сотрудничать» (И10).

Ситуативно МБН удавалось установить контакт с чиновниками более высокого ранга. Так, И.Н. Албин, занимавший пост вице-губернатора Санкт-Петербурга в 2014–2018 гг., проявлял интерес к предложениям общественных организаций города, а также к состоянию городских территорий. В этот момент активистам удалось заручиться его административной поддержкой, что способствовало большей готовности муниципалитетов к взаимодействию и повышало вероятность *побед* на районном уровне. Кроме того, лидеру МБН удалось договориться о встрече с министром природных ресурсов, на которой он изложил высокопоставленному чиновнику свое видение экологических угроз и призвал к пересмотру федерального законодательства в пользу отказа от мусоросжигания, а также введения повсеместного раздельного сбора и переработки отходов, впрочем без сколько-либо заметных последствий.

В целом непредсказуемая ротация в органах власти зачастую приводит к разрушению наработанных коалиционных связей и заставляет активистов заново начинать поиск и налаживание контактов с политиками. В результате информанты зачастую описывают взаимодействие с властями в терминах «необходимого зла» и настаивают на избегании зависимости от них: «Мы, если честно, мы это не очень любим — с ними [представителями властных структур] очень много общаться, поэтому по необходимости, конечно, общаемся» (И6). Они связывают такую зависимость с «репутационными рисками» (И9), совладание с которыми требует настойчивой артикуляции аполитичности и неангажированности движения: «...естественно, никто не поддерживает провластные структуры, провластные движения <...> Мы вне политики, без всяких обид <...> мы себя позиционируем вне политики» (И9).

Взаимоотношения МБН с бизнесом можно охарактеризовать как сдержанные: активисты готовы принимать от предпринимателей пожертвования или спонсорскую помощь, однако опасаются коммерциализации своей деятельности. Финансовая независимость движения становится возможной, потому что активисты готовы работать безвозмездно, а в остальном текущая активность не предполагает значительных трат. Впрочем,

несколько раз МБН, несмотря на значительную конкуренцию, удавалось выиграть государственные гранты в сфере экологической безопасности и развития эко-культуры.

В результате своих усилий экологическому движению удалось достичь ряда *побед*. К ним мы можем отнести артикулируемое активистами широкое развитие экологической повестки на городском уровне, ставшее возможным благодаря сотрудничеству целого пула эко-движений: «...появилось очень много инициатив, и все это, знаете, так, взаимно-перекрестно, и там одни и те же люди могут участвовать в разных проектах. То есть я понимаю, что это такой улей» (И7). Кроме того, к *победам* участники движения относят отказ от закона, отменяющего оборотную тару для производителей, а также ввод закона об упаковке, обязывающего бизнес платить за нее налог. Впрочем, эти политические решения хотя и являются скромными шагами к формированию ответственности бизнеса, все же не приводят к сколь-либо масштабным позитивным изменениям экологической ситуации в городе, что лишний раз подчеркивает точечный характер достижений активистов: «Просто проблема в том, что упаковки меньше от этого не станет, и все равно <...> производства одно-разовой тары меньше не станет» (И8).

Заключение

Итак, два изученных нами общественных движения при всем несхождении микроцелей, определяемых спецификой деятельности (защита культурного наследия и создание исторических кварталов vs очищение конкретных территорий от мусора, борьба против конкретных угрожающих экологии проектов и пр.) имеют похожие макроцели: пересмотр и усовершенствование законодательства и просвещение, направленное либо на формирование у горожан экологического сознания, либо на повышение их осведомленности об историческом наследии / исторической ценности памятников архитектуры. При этом нельзя рассматривать результаты деятельности активистов вне контекста трансформаций всего поля общественного движения. Так, ситуативные *победы* активистов (например, успешное оспаривание в суде законности сноса того или иного здания, приостановка сноса посредством подачи независимой экспертизы или привлечение внимания общественности к оспариваемой территории) могут обернуться для них *поражениями* в долгосрочной перспективе, например когда они служат «спусковым крючком» стигматизации общественного движения в политическом и провластном медийном дискурсе или заставляют чиновников выработать тактики оперативного производства встречных экспертиз.

Результаты деятельности активистов подвергаются их ретроспективной оценке как (не)удачные по мере реконфигурации поля и, наоборот, порождают дальнейшие его реконфигурации. Так, первоначально градозащитное движение в Нижнем Новгороде не получало никакого финансирования и отличалось политической фрагментацией участников при общей оппозиционности требований и риторик. Однако в дальнейшем деятельность активистов постепенно институционализировалась, а их политическая позиция варьировалась от нейтральной до лояльной местным властям, что открыло возможности для получения финансовой и информационной поддержки от государства и бизнеса, но породило внутренний раскол, связанный с разными представлениями о том, должны ли представители гражданского общества сотрудничать с органами власти, а если да, то в каких формах и в какой степени. Экологическое движение в Санкт-Петербурге последовательно позиционирует себя как сугубо аполитичное, а его лидеры вступают в разнообразные прагматически обусловленные формы взаимодействия с городскими властями, изредка получая финансирование в виде грантов или помощь от бизнеса.

Используя терминологию Дж. Кротти, можно утверждать, что градозащитное движение в Нижнем Новгороде проделало путь от низовой организации с элементами профессионализации до профессиональной организации с широкими сетями внутрироссийского сотрудничества, однако никогда не претендовало на международные субсидии. Попавшее в фокус нашего внимания экологическое движение изначально представляло собой официально зарегистрированную разветвленную сеть объединений с профессиональной организацией-основательницей в Санкт-Петербурге. Здесь основное напряжение связано с проблематикой границ между движением и наиболее похожими экологическими инициативами, а также конкуренцией за символический капитал, которая разворачивается между ними. В этом плане можно заключить, что МБН еще не исчерпала свой коалиционный потенциал, тогда как «СпасГрад» уже задействовал всю доступную сеть активистов и дружественных экспертов, так что возможные *успехи* движения в будущем связаны исключительно с более эффективным привлечением широкой городской общечественности.

Наш эмпирический анализ показывает, что микроцели изученных общественных движений потенциально реализуемы, но лишь в ситуациях, когда сложившаяся конфигурация поля общественного движения открывает для активистов «окна возможностей» (например, когда к власти приходят эффективные чиновники и вовлекаются в конструктивный диалог с активистами, когда представителям движения удается создать

отношения кооперации с конкретными политиками или целыми политическими структурами или когда бизнес-стейкхолдеры достаточно слабы и не создают альянсов с политиками). Между тем макроцели и сопряженные с ними *успехи* в поле описываются информантами как принципиально недостижимые, хотя и значимые. Поэтому движения вынуждены ограничиваться «малыми делами», действуя лишь в своеобразных «заповедных зонах», буквально, если речь идет о создании заповедных кварталов в историческом центре Нижнего Новгорода, или метафорически, если мы говорим о точечных экологических инициативах в Петербурге. Таким образом, в терминах Усима и Голдстоуна, в политических условиях постсоветской России активисты терпят неминуемое *поражение* в реализации своих крупномасштабных целей, связанных с трансформацией status quo в поле городской и федеральной политики, вне зависимости от того, избирают ли гражданские ассоциации путь плотного сотрудничества с элитами, получения ресурсов «сверху» и попыток кооптации во властные структуры или же предпочитают дистанцироваться как от чиновников, так и от политики в целом.

Список информантов

- И1 — нижегородский активист, аффилированный со «СпасГрадом», м.
И2 — активист «СпасГрада» и участник других дружественных общественных инициатив, м.
И3 — нижегородский градозащитник, один из лидеров «СпасГрада», ж.
И4 — нижегородский активист, м.
И5 — нижегородский правозащитник и градозащитник с большим стажем, участник «СпасГрада», член совета общественного движения «Деревянные города», м.
И6 — экологический активист, эко-преподаватель МБН, ж.
И7 — экологический активист МБН, ж.
И8 — экологический активист МБН, ж.
И9 — экологический активист МБН, участник движения «Раздельный сбор», м.
И10 — экологический активист МБН, ж.

Литература

- Бедерсон В.Д. (2020) Гражданские ассоциации и политический режим в мировой недемократической практике: между политическим контролем и социальной эффективностью. *Полис. Политические исследования*, 2: 37–52.
Желнина А.А., Тыканова Е.В. (2021) «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы). *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 205–222.

Кулмала М. (2011) Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России: этнографический подход. Резюме. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 3(1): 165–170.

Флигстин Н., Макадам Д. (2022) Теория полей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Bederson V., Semenov A. (2022) Between autonomy and compliance: The organizational development of Russian civil society. *Resourceful Civil Society: Navigating the Changing Landscapes of Civil Society Organizations*. Cham: Palgrave Macmillan: 171–194.

Crotty J. (2009). Making a difference? NGOs and civil society development in Russia. *Europe-Asia Studies*, 61(1): 85–108.

Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological Theory*, 29(1): 1–26.

Fröhlich C. (2012) Civil society and the state intertwined: the case of disability NGOs in Russia. *East European Politics*, 28(4): 371–389.

Fröhlich C., Jacobsson K. (2017) States shaping civic activism: comparing animal rights activism in Poland and Russia. *The Sociological Quarterly*, 58(2): 182–201.

Giugni M.G. (1998) Was it worth the effort? The outcomes and consequences of social movements. *Annual Review of Sociology*, 1(24): 371–393.

Javeline D., Lindemann-Komarova S. (2020) Financing Russian civil society. *Europe-Asia Studies*, 72(4): 644–685.

Kolb F. (2007) *Protest and opportunities: the political outcomes of social movements*. Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag.

Ljubownikow S., Crotty J., Rodgers P.W. (2013) The state and civil society in Post-Soviet Russia: the development of a Russian-style civil society. *Progress in Development Studies*, 13(2): 153–166.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (1998) Social movements. In Smelser N.J. (ed.) *Handbook of sociology*. Beverly Hills; L.: Sage: 695–737.

Tykanova E., Khokhlova A. (2020) Grassroots urban protests in St. Petersburg: (non-) participation in decision-making about the futures of city territories. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33(2): 181–202.

Useem B., Goldstone J.A. (2022) The paradox of victory: social movement fields, adverse outcomes, and social movement success. *Theory and Society*, 51(1): 31–60.

Yin R.K. (1994) Discovering the future of the case study. Method in evaluation research. *Evaluation Practice*, 15(3): 283–290.

ALIGNMENTS IN SOCIAL MOVEMENT FIELDS: THE CONSTRUCTION OF SMALL AND LARGE-SCALED PERFORMANCE OUTCOMES

Elena Tykanova^a (elenatykanova@gmail.com)
Anisya Khokhlova^b (anisya_khokhlova@mail.ru)

^a The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tykanova E., Khokhlova A. (2023) Konfiguratsii poley obshchestvennykh dvizheniy: konstruirovaniye «malykh» i masshtabnykh rezul'tatov deyatelnosti [Alignments in Social Movement Fields: The Construction of Small and Large-Scaled Performance Outcomes]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(2): 175–196 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.8>. EDN: XNSECE

Abstract. The paper explores how members of social associations construct the outcomes of their efforts. It focuses on the experience of two Russian civic initiatives: a historic preservation movement in Nizhny Novgorod, and an environmental movement in St. Petersburg. Relying on the theory of social movement fields (B. Useem, J. Goldstone), the authors show what small and large-scaled goals the participants of these movements set, what efforts to achieve the goals they undertake, how their actions are embedded in the configurations of social movement fields, and how the activists retrospectively estimate the immediate and long-term outcomes of their activity. As a result, the authors conclude that the micro-goals of the social movements under study are (potentially) accomplishable — but only within a specific alignment of the social movement field: when the powerholders are open to a productive dialogue with the activists, when relations of cooperation between the activists and individual politicians or political structures have been shaped, when there are no mutually beneficial alliances between business stakeholders and local politicians, etc. Meanwhile, the macro-goals and related successes in the field seem principally unrealizable. Thus, the activists are confined to “small deeds” by performing in “conservation areas” only, i.e. focusing on local city territories and/or commensurating their claims with the sanctions of strong stakeholders but not going as far as to essentially transform the social movement field.

Keywords: social movement, social movement field, strategic action field, victory, success.

References

Bederson V.D. (2020) Grazhdanskoye ob'yedineniye i politicheskiy rezhim v mirovoy nedemokraticheskoy praktike: mezhdru sborom kontrolya i sotsial'noy effektivnost'yu [Civil associations and political regime in global non-democratic practice: between political control and social efficiency]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2: 37–52 (in Russian).

Kulmala M. (2011) Vzaimodeystviye gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoy Rossii: etnograficheskiy podkhod. Rezyume [Interaction between the state and civil society in modern Russia: an ethnographic approach. Summary]. *Laboratorium. Zhurnal Sotsial'nykh Issledovaniy* [Laboratorium. Journal of Social Research], 3(1): 165–170 (in Russian).

Bederson V., Semenov A. (2022) Between autonomy and compliance: the organizational development of Russian civil society. *Resourceful Civil Society: Navigating the Changing Landscapes of Civil Society Organizations*. Cham: Palgrave Macmillan: 171–194.

Crotty J. (2009). Making a difference? NGOs and civil society development in Russia. *Europe-Asia Studies*, 61(1): 85–108.

Fligstein N., McAdam D. (2022) *Teoriya poley* [A theory of fields]. Moscow: The Editorial House of the Higher School of Economics (in Russian).

Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological Theory*, 29(1): 1–26.

Fröhlich C. (2012) Civil society and the state intertwined: the case of disability NGOs in Russia. *East European Politics*, 28(4): 371–389.

Fröhlich C., Jacobsson K. (2017) States shaping civic activism: Comparing animal rights activism in Poland and Russia. *The Sociological Quarterly*, 58(2): 182–201.

Giugni M.G. (1998) Was it worth the effort? The outcomes and consequences of social movements. *Annual Review of Sociology*, 1(24): 371–393.

Javeline D., Lindemann-Komarova S. (2020) Financing Russian civil society. *Europe-Asia Studies*, 72(4): 644–685.

Kolb F. (2007) *Protest and opportunities: the political outcomes of social movements*. Frankfurt; New York: Campus Verlag.

Ljubownikow S., Crotty J., Rodgers P.W. (2013) The state and civil society in Post-Soviet Russia: the development of a Russian-style civil society. *Progress in Development Studies*, 13(2): 153–166.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. (1998) Social movements. In Smelser N.J. (ed.) *Handbook of sociology*. Beverly Hills; London: Sage, 695–737.

Tykanova E., Khokhlova A. (2020) Grassroots urban protests in St. Petersburg: (non-) participation in decision-making about the futures of city territories. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33(2): 181–202.

Useem B., Goldstone J.A. (2022) The paradox of victory: Social movement fields, adverse outcomes, and social movement success. *Theory and Society*, 51(1): 31–60.

Yin R.K. (1994) Discovering the future of the case study. Method in evaluation research. *Evaluation Practice*, 15(3): 283–290.

Zheltnina A., Tykanova E. (2021) “Igroki” na “arenakh”: analiz vzaimodeystviy v gorodskikh lokalnykh konfliktakh (sluchay Sankt-Peterburga i Moskvy) [‘Players’ in ‘arenas’: a study of interactions in local urban conflicts (a case study of Saint Petersburg and Moscow)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 19(2): 205–222 (in Russian).